

Светлана ГОЛУБЕВА—

в прошлом учитель, член Союза писателей России

litervsh@mail.ru

АНТОНИНА ПАВЛОВНА

РАССКАЗ

Димка ёрзал на стуле в приёмной. За неплотной прикрытой дверью директорского кабинета шумели о нём. Леонид Трофимович и Антонина Павловна говорили громко, каждый считал себя правым. Секретарша, возле которой усадили мальчика, косилась на Диму. Она тоже слышала спор, но показывала, что её это не касается.

— Леонид Трофимович, нельзя Соколова ставить на учёт в детскую комнату милиции.

— По-вашему, прогулы не повод?

— Послушайте, он талантливый мальчик. Прогуливает, а контрольные на «пятёрки» пишет. В моём классе он — лучший ученик. Спросите хоть кого. Учителя в нём души не чают. Сейчас он — обычный подросток, а поставим на учёт — клеймом пометим: трудный, значит, не такой как все. Учиться бросит — потеряем человека... То, что с ним происходит, — всего лишь тяготы возраста...

— Ну, смотрите. Мер пока принимать не буду, до следующего проступка. Вы — классный руководитель, с вас и спрос.

— Спасибо, Леонид Трофимович. Всё будет хорошо, обещаю.

Дверь открылась. Антонина окликнула Диму:

— Пойдём в класс.

Понимая, что в сотый раз спасён, парнишка внутренне усмехнулся и в этот. Хорошо, когда у тебя такая учительница.

— Уходим по одному: сначала я, потом — ты. Если поймают, тебе ничего не будет. Ясно? — внушал Костя.

— Угу, — гукнул Димка, хотя сомнения шевельнулись.

В галантерейном отделе ему поручалось быть как можно заметнее: пластаться на витрину, громко спрашивать продавцов о ценах, пока дружок ныряет под прилавок. За стеклянной тумбой на стуле скорчилась раскрытая сумка, выставив на прельщённый взор пухлый бумажник...

Стержнем их недавнего приятельства был Костя. Он всего на год опережал в возрасте, но, казалось, о жизни знал всё. А Димка — только про себя: отличник, баловень учителей и родителей. Отец давно обосновался бы в новой семье, но от сына оторваться не мог; мучил мать, себя, своего любимца, его братьев. Это — неинтересная жизнь.

— Надо опробовать в рискованном, щекощущем ноздри деле, — говорил старший приятель. Дима верил.

Сначала они брали деньги у Костиной мамы. Она забывала «сотенки» в карманах и разных сумках. А спохватывалась — не знала, что думать. Ей и в голову не приходило поспросить нежно-кудрявого сына.

Мамино ясноглазое недоумение развлекало ребят, потом прискучило.

Однажды, хитро подмигнув меньшому, командир развлечений стянул доллары у своего делового отца. Тот сразу всё раскумекал, завернул сыновье зефирное ушко и приказал вернуть с процентами.

Понимая положение, Дима не мог бросить Костю, потому безоглядно согласился поохотиться в универмаге...

Когда на выходе Диму зацепили под руки молодцы-охранники, он не испугался. Удивился только, как быстро и без шумихи это получилось.

А спустя ещё минут двадцать порядком тухнул: из его рюкзака милиционер вынул пустой кошелек! Тот самый, краденый. И когда дружок успел втиснуть?!

Коротко накатившая волна первого страха схлынула. Дима ободрился, вспомнил, что малолетних не наказывают, и вдохновенно отнекивался от всего.

Довольно скоро Костю тоже высветили. Ещё бы, в магазине полно людей: кто-то видел, кто-то понял — клубок и размотался.

На допросы Диме велели ходить с матерью, а он вдруг открыл, что жалеет её, вконец издёрганную семейными неурядицами. Эта жалость удивила; до сих пор-то он верил, что ему трудней всех.

Впалогрудый, недоразогнутый, как ссохшийся башмак, следовательно вопрошал, выуживал неправду трескуче, будто сухарь крошил. Никогда не высыл голоса. Дима даже зауважал Сергея Львовича. Казалось, милиционер сочувствует ему и, значит, не допустит худшего.

Очная ставка с Костей вышла глупой. Главарёк запоздало впутывал вымыслы в правду, но следовательно спокойно подвёл беседу к нужной точке и всех отпустил.

В коридоре Димка заметил Антонину Павловну. Близоруко щурясь, она подносила лицо

к номерам на дверях и не разглядела воспитанника.

Мальчик съёжился; захотелось шапку-невидимку. Конечно, учительница знает про кражу и допросы, — он понимал это, но не мог помыслить, что её тоже начнут вызывать.

В школе Антону любили. Не только за увлекательную биологию. Она за распоследнего лентяя горой стояла. Выбелит перед директором так, что только нимб не пририсует. Но лентяи — не преступники, мрачно думал мальчуган. Она, небось, и его в тот злополучный день оправдывала. Теперь у неё неприятности.

От этой мысли стало совестно и жарко. Он заторопил маму к выходу...

В изолятор для несовершеннолетних зачислили на месяц. А Костика непостижимым образом вызволил отец-коммерсант.

Дима с трудом верил, когда зачитывали решение. Ведь раньше по всему выходило, что ему не отвечать: четырнадцать лет — неподсудный возраст; душевный Сергей Львович являл сочувствие и надежду; да и не Димка крал! Но вот же...

Весь путь до изолятора он цепенело смотрел перед собой, словно контуженный, оттого казался спокойным, тёртым.

Ему выдали красную спортивную куртку и показали кровать. Мальчуган присел, ссутулится, почувствовал себя беспомощным тряпичным зайчиком.

Но постепенно это прошло. Здесь все такие: попали за что-то. В классе Димка, наверное, тяжело переносил бы и любопытство, и осуждение «чистеньких», неизмаравшихся приятелей и девчонок. А тут — равенство...

Кроме того, надзиратель назывался воспитателем, распорядок напоминал пансионатный (уроки, послеобеденный отдых, кормёжка по часам). На прогулках играли в футбол: смеялись, высвистывали восторг, забывая голы и забывая про кирпичную стену с проволокой поверху.

Спустя несколько дней воспитатель вызвал Диму: пришли навестить. Но не мама.

За полированным кирпичом стола, пыльно пахнущим неприятностями, сидела Антонина Павловна. Ещё не хватало! Настроение съехало под гору.

Его усадили напротив учительницы, руки велели выложить перед собой.

— Здравствуй, Дмитрий, — произнесла она жестяным голосом, будто проповедник.

Подросток даже знал тему душеспасения: «Как нехорошо воровать».

А ещё он чувствовал, что теряет человека, который верил в него до последнего.

Горечь сдавила горло, скулы напряглись добела, глаза повлажнели... Антонина потянулась через стол, накрыла Димкины кулачки, пытаясь заглянуть в глаза:

— Мальчик мой, успокойся. Всё будет хорошо...

Дима не знал, куда спрятать лицо, отворачивал голову в сторону, гоня слёзы...

Антонина отпустила руки, отвела взгляд.

Разговор вышел пустой: про режим, уроки, обеды. На прощание учительница почему-то сказала:

— Знаешь, есть дети, которые мечтают, чтобы их утром поднимали на зарядку, кормили трижды в день, проверяли уроки. Для них твоя теперешняя жизнь — невозможное счастье, по сравнению с вечно пьяными родителями, побоями, голодными ночёвками в подвалах...

В школу Дима вернулся так, будто всего лишь грипповал, ребятам шумно здоровались, но о главном никто не спрашивал. Без Антониных увещеваний тут, конечно, не обошлось. Мальчик радовался, что сегодня нет биологии; ему казалось, что, встретив «классную маму», умрёт на месте. Но она сама зашла перед историей. Обыденно поздоровалась со всеми и протянула Димке листок с заданиями: заканчивалась четверть, нужно догнать учение.

После каникул Дима в гимназию не вернулся. Семейный совет отправил его в приморский город к бабушке с дедом, в крепкую духом капитанскую семью, в целительный климат, а главное, подалее от ненадёжных друзей вроде Костика.

Через несколько лет в приёмной гимназии Антону Павловну спрашивали высокий ладный курсант морской академии. Это был Димка...